
П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЭСТЕТИКА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1984

«РЕВИЗОР»

Комедия, соч. Н. Гоголя. С.-Петербург, 1836

Литературные события у нас редки. Литература наша кругообращается в явлениях, подходящих под статью обыкновенных ежедневных происшествий. Эти явления скользят по вниманию читающей публики, не прорезывая глубоких следов в общественном мнении. Разве только в чресполосном владении журналистов возникают по сему случаю тяжбы, обращающие минутное внимание одних литературных присяжных или экспертов, которым также трудно сквозь шум, крики и брань понятых вникнуть, о чем идет дело и есть ли действительно дело в споре. Часто съедутся, шумят — и чем же кончат? поднимут мертвое тело... Высшая же власть, заведывающая этим родом дел, то есть образованная публика, принимает все это просто к сведению без лицепрятия, без пристрастия, и тем свободнее, что все это — дело для нее постороннее. Редко случается писателям нашим задеть публику за живое, касаясь предметов, близких к ней. Писатели наши живут слишком вне общества; они чужды общежитийским отношениям, понятиям, мнениям, нравственности высшего круга читателей, то есть образованнейшего, между тем не довольно положительны, добросовестны, чтобы действовать с пользою на классы читателей, нуждающихся в пище простой, но сытой и здоровой. Они какой-то междоумок в обществе: они пишут для людей, которые их не читают или не имеют нужды их читать и, следовательно, читают равнодушно и рассеянно, а читаются теми, которые не могут судить их. Тем более литературное явление, выходящее из круга этих частных и безжизненных действий, потрясающее оба противоположные края читателей, рождает у нас деятельность необыкновенную. Каждый спешит дать голос свой, и неминуемым следствием того бывает разногласие в мнениях. Драматическое произведение, а в особенности комедия народная, или отечественная, принадлежит к сему разряду явлений, которые должны преимущественно обратить на себя общее внимание. О комедии каждый вправе судить; голоса о ней собираются не в тишине кабинета, не пред зеркалом искусства, не по окончании медленной процедуры и применения всех законов литера-

турного кодекса; публика не выжидает, чтобы тот или другой трибунал, тот или другой журнал, тот или другой критик исследовал дело и подписал приговор. Нет, голоса собираются по горячим следам в шумном партере, где каждый, кто взнес законную долю установленного сбора, допускается к судейским креслам и рядит и судит за свои деньги о деле, подлежащем общему суждению. У нас и в этом отношении авторы с удивительно ловкостью умеют обыкновенно избегать прямой встречи и тесного столкновения с публикою. Большая часть русских комедий также дело для нее постороннее: это снимки с картин чужой или вымышленной природы. В подобных снимках может идти дело об искусстве художника в исполнении, но нет речи о жизни, о верности, о природном сочувствии. Тем более комедия, выходящая из круга сих заимствований, вымыслов или подделок, должна произвести общее, сильное и разнородное впечатление. Мало было у нас подобных комедий: «Бригадир», «Недоросль», «Ябеда», «Горе от ума» — вот, кажется, верхушки сего тесного отделения литературы нашей. «Ревизор» занял место вслед за ними [и стал выше некоторых из них]. Комедия сия имела полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, задушевный и единогласный хохот, вызов автора после двух первых представлений, жадность публики к последовавшим представлениям и, что всего важнее, живой отголосок ее, раздававшийся после в повсеместных разговорах, — ни в чем не было недостатка. В чтении комедия выдержала театральные успех, если еще не превзошла его, что и должно быть в комедии, писанной с умом и талантом, с истинною комическою веселостью, но с меньшею заботливостью о игре и сшибках драматических внезапностей. В сем отношении, заметим мимоходом, «Ревизор», приблизившийся характеристическим достоинством своим к вышеупомянутым исключениям из русского театра, приближается к ним и тем, что можно было бы наименовать недостатками их, если б сии недостатки не составляли общей принадлежности и литературы нашей. Но о сем речь впереди и в другом месте. Впрочем, как успех «Ревизора» ни был блистателен, а все же не может он не быть затмеваем некоторыми оговорками, критическими замечаниями и осуждениями. Охотно и предварительно соглашаемся за глаза со всеми критиками настоящими, прошедшими и будущими, что в сей комедии встречаются погрешности, и спросим у них: знают ли они хотя одно литературное творение, которое вышло бы совершенным из рук творца своего?.. Чисто литературные

споры почти всегда бесполезны, потому что в спорах о изящности художественного произведения трудно или решительно невозможно привести спор к окончательному заключению. Есть что-то ребяческое в важности, с которою аристархи литературные спешат наложить [свинцовое] клеймо свое на каждое новое литературное явление. Им кажется, что без их отметки творение не доделано и ждет от них законного вида [как после таможенного досмотра].

Общие замечания о комедии г. Гоголя можно подвести под три отделения: литературное, нравственное и общественное. В исследовании сих замечаний и в возражениях на оные обратим мы более внимания на то, что было говорено о «Ревизоре», нежели на то, что было о нем писано: во-первых, потому что бесполезность замечаний чисто литературных уже нами оценена, во-вторых, потому что в разговорах русских гораздо более ума, нежели в письменных русских статьях. Вообще ум наш природы изустной, а не письменной. К тому же в споре гостиних речь идет о мнениях; в споре журналов — [более о словах и] о личности. С журналами спорить нельзя, по той же причине, по которой Карамзин не отвечал ни на одну критику, хотя он и любил спорить. Есть люди, которые жаркие спорщики в своем кругу и вместе с тем миролюбивы и безответны на толкучем рынке*.

Обратимся к замечаниям².

Некоторые говорят, что «Ревизор» не комедия, а *фарса*. Дело не в названии: можно написать гениальную фарсу и пошлую комедию. К тому же в «Ревизоре» нет ни одной сцены в роде «Скапиновых обманов», «Доктора поневоле», «Пурсоньяка» или Расиновых «Les Plaideurs»³; нет нигде вымышленной карикатуры, переодеваний и проч. За исключением падения Бобчинского у двери, нет ни одной минуты, сбивающейся на фарсу. В «Ревизоре» есть карикатурная природа: это дело другое. В природе не все изящно; но в подражании природе неизящной может быть изящность в художественном отношении. Смотрите на картины Теньера, на корову Поль-Потера и спросите после: как могло возвышенное искусство посвятить кисть свою на подобные предметы? Неужели не нашло оно в

* Само собою разумеется, что нет правила без исключения. Читатели наши, знакомые с «Московским наблюдателем», догадаются и без нашей оговорки, что он здесь в стороне. Нельзя не желать для пользы литературы нашей и распространения здравых понятий о ней, чтобы сей журнал сделался у нас более и более известным. Особенно критика его замечательно хороша. Не выгодно подпасть под удары ее, но по крайней мере оружие ее и нападения всегда благородны и добросовестны. Понимаем, что и при этом случае издатели «Телескопа» и другие могут в добродушном и открывшем испуге воскликнуть: «Избави нас Боже от его критик!» Но каждый молится за свое спасение: это натурально.

природе ничего лучшего и достойнейшего, как пьяные мужики и дородная корова? Вы можете быть правы по совести своей; но любитель живописи и знаток в картинах готов заплатить большие деньги за корову весьма невежливую и за Теньера, который каждую картину свою скрепляет одним действующим лицом под пару помянутой корове, и предоставит вашему целомудренному вкусу приобретение благородных картин Ангелики Кауфманн. Разумеется, «Ревизор» не *высокая* комедия, в смысле «Мизантропа» или «Тартюфа»⁴: тут не выводятся на сцену лица придворные, ни даже гостиные [не выводятся и лица, отмеченные общим человеческим характером]. Сцена в уезде. Автор одним выбором сцены дает уже вам меру и свойство требований, на кои он берется отвечать. Перенести так называемую *высокую комедию* в уездный городок было бы уже первым признаком необдуманности и неблагоприятия автора. Говорят, что язык низок. Высокое и низкое высоко и низко по сравнению и отношению; низкое, когда оно на месте, не низко: оно в пору и в меру. Но вы, милостивые государи, любите только ту комедию, которая во французском кафтане, при шпаге с стальным эфесом или по крайней мере в черном фраке и в башмаках, изъясняется александрийскими стихами или по крайней мере академической и благородною прозою? Прекрасно! Как тут против вас и спорить? Слава Богу, мы не дожили еще до такой глупости, чтоб готовы были смеяться над трудами Расина и Мольера и ставить ни во что хотя бы и Лагарпа. Мы соглашаемся, что вы имеете за себя голоса и авторитеты, которые каждый благоразумный и чему-нибудь учившийся человек признает если не исключительно и безусловно, то по крайней мере почтительно, с чувством уважения и любви к предкам, коих заслуги не утрачены и ныне, ибо настоящее есть наследие прошедшего. Ваши требования доказывают, что вы придерживаетесь *традиций* классического века, почерпнули их в учении или свыклись с ними в кругу образованного общества: это также в глазах наших не безделица, вопреки мнению тех, которые ставят ни во что аристократические традиции гостиных века Людовика XIV или Екатерины II. Но, с другой стороны, или именно по сей же самой терпимости, которую мы исповедуем как закон истинной образованности, мы не ограничиваемся заколоченным наглухо и единожды навсегда кругом действий, нравов, событий, форм образцовых и непреложных. Нет, мы в искусстве любим простор. Мы полагаем, что где есть природа и истина, там везде может быть и

изящное подражание оной. А там уже дело вкуса или, правильнее, вкусов избирать любое для подражания и в подражаниях. Между тем не излишним будет заметить почитателям классических преданий, что Фон-Визин читал своего «Бригадира» и своего «Недоросля» при просвещенном и великолепном дворе Екатерины II. «Так,—скажут они,—но в этих комедиях, при дурном обществе, в них собранном, встречаются зато и Добролюбовы, Стародумы, Милоны и добродетельные Софьи, а в «Ревизоре» нет ни одного Добролюбова, хоть для примера». Согласны; но вот маленькая оговорка: когда играли «Недоросля» при императрице и после пред публикою, то немилосердно сокращали благородные роли Стародума и Милона, потому что они скучны и неуместны, сохранялись же в неотъемлемой целости низкие роли Скотинина, Простаковых, Кутейкина, несмотря на нравы их вовсе изящные и на язык их вовсе не *академический*. При одних добродетельных лицах своих, при лицах высокой комедии Фон-Визин остался бы незамеченным комическим писателем, не читал бы своих комедий Екатерине Великой и не был бы и поныне типом русской комической оригинальности. Вывели его к бессмертию лица, которые также не выражают ни одного благородного чувства, ни одной светлой мысли, ни одного в человеческом отношении отрадного слова. А не в отсутствии ли всего этого обвиняете вы лица, представленные г. Гоголем?

Другие говорят, что в «Ревизоре» нет правдоподобия, верности, потому что комедия есть описание нравов и обычаев известной эпохи, а в сей комедии нет надлежащей определенности. Следовательно, где зрителю нельзя узнать по лицу и платью, кто какого прихода и в котором году он родился, там нет и комедии? Кто-то сказал, что комедия есть история общества⁵; а здесь вы от комедии требуете и статистики! Позвольте же спросить теперь: а комедия, в которой просто описан человек с страстями, с слабостями, с пороками своими, например, скупой, ревнивый, игрок, тщеславный—эти типы, которые не принадлежат исключительно ни тому ни другому столетию, ни тому ни другому градусу долготы и широты, а просто человеческой природе и Адамову поколению, разве они нейдут в комедию? Берегите свое правило для комедии исторической, или анекдотической, но не прикладывайте его к комедии вообще.

Кто говорит, что коренная основа «Ревизора» неправдоподобна, что Городничий не мог так легковерно вдаться в обман, а должен был потребовать подорожную, и проч.

Конечно, так; но автор в этом случае помнил более психологическую поговорку, чем полицейский порядок, и для комика, кажется, не ошибся. Он помнил, что у *страха глаза велики*, и на этом укрепил свою басню. К тому же, и минуя поговорку, в самой сущности дела нет ни малейшего насилия правдоподобию. Известно, что Ревизор приедет *инкогнито*, следовательно, может приехать под чужим именем. Известие о пребывании в гостинице неизвестного человека падает на Городничего и сотоварищей его в критическую минуту *панического страха*, по прочтении рокового письма. Далее, почему не думать Городничему, что у Хлестакова две подорожные, два *вида*, из коих настоящий будет предъявлен когда нужно? Тут нет никакой натяжки в предположении автора: все натурально. Действие, производимое столичным жителем в глуши уездного городка, откуда, по словам Городничего, *хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*, представляет комику обширное поприще для *сбыточных невероятностей*. Самохвальство, ложь, пустословие столичные обдают трепетом и легковесием людей и благообразных, но необразованных — подобная *мистификация* сбыточна везде. Светские самозванцы, пройдохи, шарлатаны являются и во Франции и в Англии и обманывают народ. В одной из наших губерний, и не отдаленной, был действительно случай подобный описанному в «Ревизоре». По сходству фамилии приняли одного молодого проезжего за известного государственно-го чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку *являться*. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы заимодавцы. Все это в порядке вещей, не только в порядке комедии.

Есть критики, которые недовольны языком комедии, ужасаются простонародности его, забывая, что язык сей свойствен выведенным лицам. Тут автор не суфлер действующих лиц, не он подсказывает им свои выражения: автор стенограф. Вероятно, можно найти некоторые неисправности, сорвавшиеся с пера писателя; но смешно же грамматически ловить слова в комедии. Главное в писателе есть слог: если он имеет выразительную физиономию, на коей отражаются мысль и чувство писателя, то сочувствие читателей живо отзывается на голос его. Может быть, *словоловы* и правы, и язык г. Гоголя не всегда безошибочен; но слог его везде замечателен. Впрочем, трудно и угодить на литературных словоловов. У которого-то из них уши покраснели от выражений «суп

воняет», «чай воняет рыбою». Он уверяет, что теперь и порядочный лакей того не скажет. Да мало ли того, что скажет и чего не скажет лакей? Неужели писателю ходить в лакейские справляться, какие слова там в чести и какие не в употреблении? Так, если он описывает лакейскую сцену; но иначе к чему же? Например, Осип в «Ревизоре» говорит чисто лакейским языком, лакея в нем слышим деревенского, который прожил несколько времени в столице: это дело другое. Впрочем, критик, может быть, и прав; в этом случае мы спорить с ним не будем. *Порядочный лакей*, то есть что называется «un laquais endimanché»⁶, точно, может быть, постыдится сказать «воняет», но *порядочный человек*, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в [великосветской] гостиной и пред дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении *собственных слов*: жеманство, чопорность, щепетность, оговорки — отличительные признаки людей не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество. Человек, в сфере гостиной рожденный, в гостиной — у себя, дома: садится ли он в кресла? он садится как в свои кресла; заговорит ли? он не боится проговориться. Посмотрите на провинциала, на выскочку: он не смеет присесть иначе как на кончике стула; шевелит краем губ, кобенясь, извиняется вычурными фразами наших нравоучительных романов, не скажет слова без прилагательного, без оговорки. Вот отчего многие критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошего общества и ненарушимости законов его, попадают в такие смешные промахи, когда говорят, что такое-то слово неприлично, такое-то выражение невежливо. Охота им мешаться не в свои дела! Пускай говорят они о том, что знают; редко будет им случай говорить — это правда, но зато могут говорить дельнее. Можно быть очень добрым и рассудительным человеком и не иметь доступа в высшее общество. Смешно хвастаться тем, что судьба, что рождение приписали вас к этой области; но не менее смешно, если не смешнее, не уроженцу или не получившему права гражданства в ней толковать о нравах, обычаях и условиях ее. Что вам за нее рыцарствовать? Эта область сама умеет стоять за себя, сама умеет приводить в действие законы своего покровительства и острацизма. Все это не журнальное дело. У вас уши вянут от языка «Ревизора», а лучшее общество сидит в ложах и в креслах, когда его играют; брошюрка «Ревизора» лежит на модных столиках работы Гамса. Не смешно ли, не жалко ли с желудком

натошак гневаться на повара, который позволил себе поставить не довольно утонченное кушанье на стол, за коим нет нам прибора?..

В понятиях о нравственности книги или человека, казалось бы, спорить не о чем и не с кем. Нравственность, нравственное чувство, нравственная совесть должны быть одинаковы у всех нравственных и добросовестных людей. Так! но в этом отношении речь идет более о *нравоучении*, нежели о нравственности, более о средствах преподавать ее и действовать именем ее на умы и сердца людей. Тут может быть разногласие. Например, говорят, что «Ревизор» — комедия безнравственная, потому что в ней выведены одни пороки и глупости людские, что уму и сердцу не на ком отдохнуть от негодования и отвращения, нет светлой стороны человечества для примирения зрителей с человечеством, для назидания их, и проч. О нравственности или нравоучении литературных произведений много было говорено. Кажется, г. Баратынский в предисловии к поэме «Цыганка» исследовал сей вопрос самым удовлетворительным и убедительнейшим образом⁷. С нашей стороны, совершенно с ним соглашаясь, мы признаем безнравственным сочинением только то, которое вводит в соблазн и в искушение. Равнодушное, беспристрастное изложение самого соблазна может не быть безнравственно. Автор, следуя в этом случае Провидению, допускает зло, предоставляя внутренней воле и совести читателя и зрителя пользоваться представленным уроком по своим чувствам и правилам. Не должно забывать, что есть литература взрослых людей и литература малолетних: каждый возраст имеет свою пищу. Конечно, между людьми взрослыми бывают и такие, которые любят быть до старости под указкою учителя; говорите им внятно: вот это делайте, а того не делайте! за это скажут вам: пай дитя; поглядят по головке и дадут сахарцу. За другое: фи дитя, выдерут за ухо и поставят в угол! Но как же требовать, чтобы каждый художник посвятил себя на должность школьного учителя или дядьки? На что вам честные люди в комедии, если они не входили в план комического писателя? Он в известную минуту, в данном положении взглянул на несколько лиц — и нарисовал их в том виде, с теми оттенками света и тьмы, как они представились взору его. Комедия не всеобщая история, не всеобщая картина человечества или общества, даже не роман, не биография. Комедия — отрывок; а вы в отрывке требуете многосложного и полного объема! Неужели из того, что комик не вывел ни одного честного человека, следует заключить,

что автор имел целью доказать, что честных людей вовсе нет? Живописец представляет вам сцену разбойников и убийц; вам этого не довольно: для нравственной симметрии вы требуете, чтобы на первом же плане был выведен человек, который отдает полный кошелек свой нищему, иначе зрелище слишком прискорбно и тяжело действует на нервы ваши. Вы и в театре не можете просидеть двух часов без того, чтобы не явился вам хотя один честный человек, один герой добродетели, именно герой, ибо в представлении просто доброго человека, который был бы тут только для показа, лицом бесстрастным и бездействующим, не было бы никакой цели; нет, вам нужна сопротивная сила для отпора и сокрушения порочных; одним словом, нужна вам драма с полным спектаклем, весь театральный мир: барыня требует весь туалет!⁸ Да помилуйте, в жизни и в свете не два часа просидишь иногда без благородного, утешительного сочувствия. Автору не мудрено вывести вам целый легион честных людей, имеющих патентованное право на премию добродетели, установленную филантропом Монтионом; да что будет вам от них пользы? В театре досыта негодуйте над негодными и смейтесь над глупцами, если они выведены вам на глаза. Добрых и порядочных людей ищите для себя, вышедши из театра: тогда они будут вам нужнее и еще приятнее после впечатлений, оставленных в вас сценическими лицами. Кто из зрителей «Ревизора» пожелал бы быть Хлестаковым, Земляникою, Шпекиным или даже и невинными Петрами Ивановичами Добчинским и Бобчинским? Верно, никто! Следовательно, в действии, производимом комедиею, нет ничего безнравственного. Может быть действие, впечатление неприятное, как во всякой сатире, изображающей недуги общества,— это дело другое и следствие неминуемое; но это неприятное действие умерено [и, так сказать, раскрашено] смехом. Следовательно, условия искусства выдержаны, комик прав.

Сущность *общественных* замечаний, слышанных нами о «Ревизоре», сбивается во многом на вышеприведенные замечания. Говорят, что эта комедия, это изображение нравов — поклеп на русское общество, что нет ни одного уездного города в России, который мог бы представить подобное жалкое сборище людей: перебирают в Зябловском и Арсеньеве все уезды великороссийских, малороссийских, западных и восточных губерний и заключают, что нет такого города в государстве. Следовательно, комедия — ложь, клевета, несбыточный и недозволитель-

ный вымысел [едва ли не пасквиль]! Опять статистические требования от комика, опять жалобы на драматического Дюпена. Да кто же сказал вам, что автор метил на такой-то город? что за пристрастный допрос, повальный обыск таланту? Зачем искать оскорбления народному честолюбию в шуточном вымысле автора?.. Есть ли на белом свете люди, похожие на тех, которые выведены в комедии? Бесспорно, есть. Довольно этого! Что за дело, что комик подметил одного из них на берегу Волги, другого на Днепре, третьего на Двине и собрал их воедино, как живописец собрал несколько красавиц в одну свою Венеру? Неужели следовало автору гнать зрителей своих по почте из губернии в губернию, чтобы не ввести вас в недоумение и пощадить щекотливость? Между тем зачем же увеличивать и вымышленное зло? Зачем клепать и на сценические лица? Они более смешны, нежели гнусны: в них более невежества, необразованности, нежели порочности. Хлестаков — ветреник, а впрочем, может быть, и добрый мальчик; он не взяточник, а заемщик, несколько легкий на руку, это правда, но, однако же, не нечистый на руку! Различие это ясно обозначено в лице его. Прочие лица дают ему деньги, потому что он денег от них просит. Где же видано, чтоб люди отказывались услужить человеку в нужде, когда этот человек может быть им полезен? все это естественно; все это так водится, не только в глуши русского уездного городка, но и везде, где живут люди. Баснь «Ревизора» не утверждена на каком-нибудь гнусном действии: тут нет утеснения невинности в пользу сильного порока, нет продажи правосудия, как, например, в комедии Капниста «Ябеда». Войдя здесь в разговор и в рассуждение не с журналистами и письменными людьми, а с теми, которые, может быть, и не твердо упомянут творение Капниста, приведем несколько выписок из «Ябеды» для подтверждения мнения нашего. <...>⁹

Все возможные сатурналии и вакханалии Фемиды, во всей наготе, во всем бесчинстве своем раскрываются тут на сцене гласно и торжественно. Гражданская палата заседает, слушает и судит дела в той же комнате, где за несколько часов пред тем бушевала оргия; вчерашние бутылки валяются под присутственным столом, прикрытым красным сукном, которое, по мнению повайтчика,

...множество... привыкло прикрывать
И не таких грехов!¹⁰

Вероятно, и в то время находились люди, которые

говорили, что в самом деле не могут существовать в России и нигде такие нравы, что это клевета, и проч. Между тем Капнист, посвящая свою комедию императору Павлу I, отвечал на сии обвинения, обращаясь к его высокому имени:

Ты знаешь разные людей строптивых нравы,
Иным не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Талии порок изобразил;
Мздомства, ябеды, всю гнусность обнажил,
И отдаю теперь на посмеянье света.
Не мстительна от них страшуся я навета,
Под Павловым щитом почню невредим;
Но быв по мере сил споспешником Твоим,
Сей слабый труд Тебе я посвятить дерзаю,
Да имнем Твоим успех его вечною¹¹.

Благородные чувства и благородный язык поэта были доступны к просвещенному великодушному государю. Он изъявил согласие свое на просьбу его, и статс-секретарь Нелединский написал к нему следующее письмо:

Милостивый государь мой,
Василий Васильевич!

Его Императорское Величество, снисходя на желанис ваше, Всемилостивейше дозволяет сочиненную вами комедию под названием «Ябеда» напечатать с надписанием о посвящении оного сочинения Августейшему имени Его Величества.

С совершенным почтением и преданностию честь имею пребыть, вашим, милостивый государь мой, покорнейшим слугою.

В Павловске,

Юрий Нелединский-Мелецкий

Июня 29 дня 1798 года

Конечно, чувство патриотической щекотливости благородно: народное достоинство есть святыня, оскорбляющаяся малейшим прикосновением. Но при этих чувствах не должно быть односторонним в понятиях своих. При излишней щекотливости вы стесняете талант и искусство, стесняете самое нравственное действие благонамеренной литературы. Комедия, сатира, роман нравов исключаются из нее при допущении подобного чувства в безусловное и непреложное правило. После того ни одно злоупотребление не может подлежать кисти или клейму писателя, ни один писатель не может быть *по мере сил споспешником* общего блага, по выражению Капниста. Личность, звание, национальность, а наконец, и человечество будут ограждать злоупотребителей опасением нарушить уликою в злоупотреблении уважение к тому, что под ним скрывается достойного уважения и неприкосновенного. Но мир нравственный и мир гражданский имеют свои противоречия, свои прискорбные уклонения от законов общего

благоустройства. Совершенство есть цель недостижимая, но совершенствование есть не менее того обязанность и свойство природы человеческой. Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного умного человека; неправда: умен автор. Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного честного и благомыслящего лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое, силою закона поражая злоупотребления, позволяет и таланту исправлять их оружием насмешки. В 1783 году оно допустило представление «Недоросля», в 1799-м «Ябеды», а в 1836-м «Ревизора».

Приписка. При появлении «Ревизора» было, как сказано выше, много толков и суждений в обществе и в журналах. Кроме самого литературного достоинства ее входила в разноречивые соображения о ней и задняя, затаенная мысль. Комедия была признана многими либеральным заявлением в роде, например, комедии Бомарше «Севильский цирюльник», признана за какой-то политический брандскугель, брошенный в общество под видом комедии. Это впечатление, это предубеждение, разумеется, должно было разделить публику на две противоположные стороны, на два лагеря. Одни приветствовали ее, радовались ей как смелому, хотя и прикрытому нападению на предрержащие власти. По их мнению, Гоголь, выбрав полем битвы своей уездный городок, метил выше. Известно, до какой степени бывают легковверны так называемые либералы. При малейшем движении, при самой неосновательной надежде они готовы заключить, что прибывает к их полку, и простодушно радуются победе своей. Невозможно исчислить, сколько глупостей совершается у нас во имя и ради пошлого либерализма. Жалко смотреть на молодых людей, рожденных не без способностей и некоторого дарования; они могли бы оказать пользу литературе нашей, но сбиваются с дороги своей и с толку, потому что прежде всего хочется им показать, что они не отстают от либералов. С этой точки зрения другие, разумеется, смотрели на комедию как на государственное покушение: были им взволнованы, напуганы и в несчастном или в счастливом комике видели едва ли не опасного бунтовщика. Дело в том, что те и другие ошибались. Либералы напрасно встречали в Гоголе единомышленника и союзника себе; другие напрасно отреклись от него, как от страшилища, как от нечистой силы. В замысле Гоголя не было ничего политического. Он написал «Ревизора» как после написал «Шинель», «Нос» и

другие свои юмористические произведения. У либералов глаза были обольщены собственным обольщением; у консерваторов они были велики. Помню первое чтение этой комедии у Жуковского на вечере¹² при довольно многочисленном обществе. Все внимательно слушали и заслушивались, все хохотали от доброй души, никому в голову не приходило, что в комедии есть тайный умысел. Тайный умысел открыли уже после слишком зоркие, но вполне ошибочные глаза. Много было написано и много еще пишется о Гоголе; но кстати здесь сказать: во многоглаголии ни спасения, ни истины нет.

[КНЯЗЬ ПЕТР БОРИСОВИЧ КОЗЛОВСКИЙ]

На днях получено здесь печальное известие из Бадена о смерти князя Петра Борисовича Козловского, в то самое время, когда приятели его, ободренные слухами о благоприятных успехах лечения его, надеялись на скорое и совершенное его выздоровление. Сия утрата не из числа тех, которые внезапно пресекают и поглощают в себе непосредственное действие на современные события, на лица и отношения окружающего мира. Смерть его оставляет все и всех в том же виде и положении, как и при жизни его. Ни в сфере государственной деятельности, ни в литературе, ни на каком другом гласном общественном поприще он не занимал высшего места, места ему особенно присвоенного. Никакие обязанности, никакая ответственность собственно на нем не лежали. От него ничего не ожидали, ничего не надеялись. Он жил, так сказать, в себе и для себя, жизнью личною, отдельною, которая отражалась, так сказать, в одном тесном очерке, обведенном собственной его тенью, тенью частного и обыкновенного человека. Но не менее того смерть его есть утрата незабвенная и невозвратимая. Дело в том, что хотя и не был он действительным членом общества, а только почетным, что лица и события шли мимо его и без него, что он ничего не совершил вполне, не посвятил себя ни одному из тех общественных и нравственных служений, которые дают известность, почетность, власть и славу, но в одном отношении был он полным представителем одного ясного и высокого понятия: он был вполне человеком необыкновенно.